

Искушение для искусителя

Евгения Телицына

18+

Евгения Телицына
Искушение для искусителя

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Телицына Е.

Искушение для искушителя / Е. Телицына — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Он - верховный искушитель Ада. Она - дочь некогда любимой им женщины. Такая же неугомонная, упертая и очаровательная, как мать. Волею судьбы он стал ее преподавателем в университете Ада. Стал наставником по работе с самым чувственным из семи смертных грехов. Стал учить ее искушать. И могли ли они знать, что она станет самым большим искушением для искушителя?

Содержание

Искушение для искусителя	5
Лекция первая: вводная	7
Из дневников Асмодея	14
Лекция вторая: дополнения к вводной части	16
Из дневников Асмодея	21
Лекция третья: физика тела	24
Лекция четвертая: план индивидуальных занятий	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Искушение для искусителя

Пролог. Из дневников Асмодея

...я выбрал достаточно большой и известный по меркам провинции клуб. Широкое двухэтажное здание, увешанное довольно приличными рекламными баннерами и неоновыми вывесками, сверкало всеми цветами радуги, заманивая проходящих мимо людей пропустить рюмку-другую и потанцевать.

В крупных городах гулять по таким местам скучно и неинтересно. Это в маленьких столицах глубинки народ еще не испорчен до той стадии, когда черту даже не надо что-то предлагать. Нет, только в провинциальных городах еще можно найти экземпляры, с которыми охота превращается в увлекательную игру.

Я уверенно вошел и осмотрелся. В подвальном баре, призванном дать возможность поболтать и потанцевать тем, кто не любит толпы, было оживленно. Под медленную тягучую музыку пары выпивали, курили кальяны и самозабвенно целовались.

Здесь мне ловить нечего. Слишком просто.

Я поднялся в танцевальную зону. И вскоре нашел идеальный вариант.

Она стояла у стойки и отчаянно пыталась привлечь внимание бармена, занятого смазливой малолеткой и ее коктейлем.

– Бокал красного вина даме и быстро! – велел я наглому мальчишке, остановившись около выбранной девушки.

– В этом не было необходимости, – тут же ошетинулась она, бросив на меня короткий взгляд.

Но я успел заметить, что синие глаза засветились интересом.

– Я настаиваю, – улыбнулся, придвинув к ней бокал.

– Дело ваше, – она демонстративно отвернулась в сторону.

Но длинные пальчики с аккуратным маникюром сомкнулись на стеклянной тонкой ножке. Она пригубила вино.

– Я всего лишь хотел угостить красивую даму. Разве это преступление?

Еще один быстрый взгляд из-под чуть отросшей челки. И тишина.

– Что ж, как верно вы подметили: дело ваше, – не менее демонстративно, чем она, я отвернулся и подозвал бармена: – Коньяк-кола, будь любезен.

– Спасибо, – выдавила девушка спустя минуту.

– Не за что, – равнодушно откликнулся я, потягивая воняющий спиртом паленый алкоголь, разбавленный газированной водой. Мерзость та еще. Но я же сам выбрал глубинку.

Она придвинулась поближе, поправила юбку, нервно крутанула серебряный браслет на запястье и неуверенно произнесла:

– Меня зовут Ольга.

– Ас, – кивнул я.

– А что ж сразу не профи? – криво пошутила Ольга и тут же смутилась. – Я вас раньше здесь не видела.

– Я редко бываю в подобных заведениях. Присядем?

Она кивнула, и я понял, что уже победил.

Пару бокалов и несколько вполне безобидных жестов спустя скромная девушка Ольга сама потащила меня в один из тихих неприметных тупиков ночного клуба.

Первая же и полезла целоваться, беззастенчиво поглаживая мою ширинку. Так и хочется добавить: «о времена, о нравы». Но разве я могу на это жаловаться?

Я прижал девушку к стене и прошептал:

– Скажи, чего ты хочешь?

– Тебя, – выдохнула она, отчаянно извиваясь.

– Уверена? – поцеловал ее в шею, правой рукой медленно забираясь по бедру под юбку.

– Да! – простонала она, пытаясь расстегнуть мою рубашку. – Я хочу тебя.

– Даже душу бы отдала?

– Что? – она рассмеялась. – Наглец! Отдала бы, если бы ты перестал тянуть!

– Как скажешь.

Я развернул ее спиной к себе и толкнул так, чтобы она оперлась руками на стену. Задрал юбку, отодвинул дешевые кружевные трусики и резко вошел.

И поймал себя на мысли, что все это ужасно скучно. Даже душу забирать не хочется.

Похоть и страсть – мои верные друзья – совершенно мне надоели. Аж до зубного скрежета.

Я занимался сексом с молодой красивой женщиной. И ничего не чувствовал. М-да, кажется, пора Асмодею посетить доктора Чертболита и проверить голову.

Я сгреб волосы постанывающей от удовольствия Ольги в кулак, вынуждая запрокинуть голову. Второй рукой задрал ей блузку и сжал упругую грудь. Девушка вскрикнула и выгнулась еще сильнее.

Свет софитов сменил оттенок, и мне вдруг показалась, что в моей руке черно-аквамариновые пряди. И что прикрытые от наслаждения глаза совсем не синего цвета.

– Хар! – пробормотал я, ускоряясь. Желание во мне расцвело с неожиданной силой.

В темноте все кошки серы. И легко перепутать одну с другой. А иногда даже приятно.

Ольга уже кричала, а потом содрогнулась всем телом и обмякла. Следом за ней и я. Вот только слышал в этот момент я совсем другой голос...

Лекция первая: вводная

– Я повторюсь: ты не пойдешь на эти спецкурсы!!! – мама повысила голос и снова начала нервно вышагивать по комнате. Еще немного и на шикарном длинноворсном ковре в гостиной останется протоптанная колея.

– Ева, может, стоит все же ей позволить?.. – мягко начал отец, но она не дала ему закончить.

– Нет, нет и еще раз: НЕТ! Хватит уже того, что она наплевала на мое мнение и параллельно с Высшей школой все равно пошла учиться на общее отделение!

– Мам, я вообще-то все еще здесь, – я помахала рукой.

– Ника!!! – хором воскликнули родители.

– Хар, да в чем проблема?! Я всего лишь хочу побольше узнать о Верховных. И лучше подготовиться к своей будущей работе.

Мать слегка побелела, но ответила твердо:

– Нет. Особенно по первой причине!

– Ева! – в голосе отца зазвенела сталь.

Интересно. Чего это папочка вдруг разозлился?

– Иер! – в тон откликнулась мама.

Родители сверлили друг друга гневными взглядами, а у меня появилось желание обратиться от них как можно дальше.

– Ника, – позвал отец. – Ты пойдешь на спецкурсы. А сейчас брысь отсюда.

И, не дожидаясь моего исчезновения, он пошел на маму. Ох, что сейчас будет...

Чтобы вы понимали. Когда Глава Второго круга Ада и его жена начинают выяснять отношения... демоны бегут на другой конец преисподней и даже дальше, попутно прося ангелов укрыть их под юбкой...

На самом деле мама – добрая чертовка. Но не стоит доводить ее до кипения. Мало не покажется.

А в случае спецкурсов... Я прекрасно понимаю ее.

Раскрою вам тайну. Вся наша родня вообще сомневалась, что я могу появиться на свет. Почему?

Ой, тут история за гранью. Моя маман. Ну та, которая сейчас в гостиной орет на папу, была когда-то обычной девушкой. Потом умерла из-за нелепой случайности. И что вы думаете?

Не. Ошибаетесь. Она попала в Рай. А потом заскучала. И ее отправили в Ад. На каникулы. Да-да, я, услышав эту историю впервые, тоже с трудом подняла челюсть с коленок. Но факт остается фактом: чистую душу по имени Ева отправили к чертям на месяц.

И тут-то они с папой и познакомились.

Закрутилось-завертелось, и мамуля заявила, что в Раю, конечно, климат лучше, но в Аду компания приятнее. И страшное Высшее сделало ее чертовкой.

Надо ли объяснять, что все сильно сомневались, что такая женщина может продолжить прославленный род искусителей, берущий свое начало аж от самого Асмодея?¹

Но мама и тут всех удивила. И вот она я. Прошу любить и жаловать, Ника.

И судя по знакомым шагам, любить и жаловать меня сейчас будет Люцифер.

– Привет, горе!

– Дедушка Фер! – я повисла на шее у своего далекого (и это мягко сказано) родственника.

¹ Полную историю приключений Евы вы можете прочитать в романе Евгении Телицыной «Диахар»

– Хар, раздавишь! – прохрипел Верховный. – И я просил меня так не называть. Какой я тебе дедушка?!

– Самый любимый, – я чмокнула его в щеку.

– Подлиза. Я выгляжу едва ли старше тебя... – пожурил он и вдруг сменил тему: – Что, Ева все еще против того, чтобы ты посещала наши лекции?

Люцифер как всегда зрел в корень. Да и прав он, конечно. Что за дедушка, выглядящий так, словно только что вернулся со съемок обложки глянцевого журнала, модного у людей двадцать первого века?

И, честно говоря, он вообще мне не родственник. Просто, когда маму сделали чертовкой, он принял ее в свой род. Ну, или как-то так. Поэтому с рождения я была уверена, что Люцифер – мой дедушка по маминой линии. И узнала правду, только поступив в университет.

Но детская привычка никак не хотела исчезать. И Верховный черт, ответственный за высокомерие и гордыню, вынужденно мирился с моими шалостями.

Фер – частый гость нашего дома. И вот что странно. Несмотря на то, что папе по долгу службы приходилось много контактировать со всей Верховной Семеркой, только Люцифер бывал у нас. Остальных я видела крайне редко. Особенно самого загадочного из них – Асмодея.

– О чем задумалась, милая? – Люцифер наблюдал за мной своими удивительными стальными глазами.

– Это все из-за Асмодея, да? Мама переживает из-за него? – в лоб спросила я.

– Ника...

– Фер! Я давно уже не ребенок. И знаю обо всем, что между ними произошло...

– И за это твоя мама чуть меня не убила, – буркнул он.

– ...но я все равно не понимаю, почему она думает, что этот Верховный может мне навредить, – закончила я, проигнорировав Люцифера.

– Ника, она так не думает, – дедушка тяжело вздохнул. – Она просто беспокоится о тебе. Как беспокоилась бы любая человеческая мать... Ты скоро отправишься на свое первое задание в рамках практики на спецкурсах. И она опасается того, что мы можем запудрить тебе мозги. Правда не очень понимаю, чем и зачем...

– Ясно...

– Не вешай нос. Иер уговорит ее, – Фер обнял меня за плечи и чмокнул в макушку.

– Надеюсь.

– Так и будет, – и, поцеловав меня еще раз, но уже в щеку, Верховный направился туда, откуда доносились крики моей матери и звон битой посуды.

Я же поплелась к себе.

Не знаю, что мужчины вчера сделали с мамой, но утром в комнату вошел папа и, бесцеремонно стащив с меня одеяло, велел собираться на учебу.

– Сегодня первый день спецкурсов. Ты же не хочешь пропустить вводные лекции? – весело пожурил отец, ставя на столик завтрак.

В жизни не собиралась так быстро! Одеваясь и жуя бутерброды, я пыталась затолкать в сумку все необходимое, чтобы вечером не заходить к родителям.

Последнюю пару лет, если можно так сказать, я жила в старом домике отца. И оставалась у родителей крайне редко. Я бы и вчера отправилась к себе, но заснула в ожидании решения.

Наверное, странно, что взрослая самостоятельная девочка получает разрешение на учебу у папы с мамой, да? Но если бы ваши родители были... В общем, если бы мама сказала «нет», меня бы даже на порог университета не пустили. Вот так-то.

А сейчас вот пропустили. И даже кивнули в знак приветствия. Так что на первую лекцию я все же успела. Хоть и влетела в просторную аудиторию одной из последних.

Поздоровавшись со всеми сразу, я плюхнулась на свое любимое место – второй стол в третьем от окна ряду.

Так блокнот, ручка... Куда я дела лешеву расческу?!

– Приветствую, выпускники, – в аудиторию стремительно вошел Люцифер, и мне пришлось прекратить свои поиски. – Предлагаю сразу приступить к делу.

Едва слова сорвались с его губ, как вся женская половина курса подавилась вздохом. Девчонки тут же переключили все свое внимание на серебряноволосого Верховного, и я не могла их винить за это. Голос у Фера был... чувственный. Глубокий проникновенный, наполненный такой гаммой оттенков, что женщины легко теряли голову. Даже странно, что такой потрясающий голос принадлежал Верховному, ответственному за гордыню, а не за похоть. Боюсь подумать, что будет, когда мы услышим Асмодея...

Мне было проще, чем сокурсникам. Я просто привыкла к Феру. А вот они, бедняжки, сидели и пускали слюнки. Ведь Верховный не только обладал чудесным голосом, но был еще и бесстыдно красив. Представьте: волосы цвета плавленого серебра, стальные глаза, тонкие черты лица... Высокий и жилистый. Этаким скучающий человеческий аристократ. Утонченный и обманчиво мягкий. Да в любую эпоху мимо него не смогла бы пройти ни одна женщина!

И поверьте, он прекрасно знал, какое впечатление производит...

Люцифер обвел аудиторию взглядом и, заметив меня, подмигнул. Я хихикнула, проигнорировав косые взгляды, а он начал лекцию.

– Как вам известно, сегодняшней день открывает череду спецкурсов от Верховной Семерки. Цените эту возможность перенять бесценный опыт ваших старейшин.

Он снова обвел взглядом всех присутствующих и, опершись на столешницу, продолжил.

– Меня зовут Люцифер. Но и это вы знаете. Знаете же?

Верховный затих. И только после нашего нестройного и неуверенного «да» заговорил снова.

– Я отвечаю за высокомерие. Гордыню, если хотите. Называйте, как вам больше нравится, сути это не изменит, – он усмехнулся. – Нужно ли мне напомнить вам грехи остальных Верховных?

Народ замотал головами, что почему-то вызвало ехидную улыбку Люцифера.

– О, пока не забыл! Спецкурсов у вас будет только шесть. Да, не удивляйтесь. Бельфегор² слишком ленив, чтобы читать лекции.

В аудитории послышались смешки. Но тут же стихли. Мои сокурсники достаточно быстро сообразили, над кем позволили себе похихикать и прикусили языки.

– Понятие гордыни одно из ведущих во всем комплексе семи смертных грехов. Оно лежит в основе или пересекается с такими пороками, как алчность, зависть и гнев. Например, стремление к обогащению вызвано тем, что человек хочет стать не просто богатым, а богаче остальных людей, он завидует потому, что не допускает мысли, чтобы кто-то жил лучше его, он раздражается и сердится, когда другой человек не признает его превосходства и так далее. Именно поэтому почти все богословы ставят гордыню на первое место³. Это не мое мнение. Это цитата из рассуждений о грехе людей. Но нам с Верховными эта мысль понравилась, и поэтому спецкурсы открываю именно я.

Он помолчал несколько секунд, давая нам переварить первую порцию информации, а потом медленно заговорил:

– Ну а теперь, начнем с азов. Согласно доктрине католической церкви... О, не надо делать такие лица! Вы же изучали историю религии. И прекрасно понимаете, что и мы, Верховные, будем иногда ссылаться на представления людей, чтобы объяснить те или иные вещи! – Люци-

² Бельфегор – черт из Верховной Семерки, ответственный за праздность (лень).

³ «Семь смертных грехов, или Психология порока [для верующих и неверующих]» Щербатых Юрий Викторович

фер недовольно нас осмотрел и продолжил: – Итак, согласно этой доктрине, гордыня – это переходящая за все пределы любовь к самому себе, которая становится выше любви к богу. Она противоречит первой заповеди. Но я бы посмотрел на это немного иначе...

И Верховный затянул длинную монотонную лекцию о своем грехе.

Ближе к вечеру я начала сомневаться в том, что посещение спецкурсов – это хорошая идея. Нет, мне было интересно познакомиться с Верховными и послушать их. Но в большинстве своем лекции оказались довольно скучными. А обстановка учебного корпуса – гнетущей.

Снаружи студенческий городок выглядел если не красиво, то, как минимум, монументально. А внутри... Я в свое время увлекалась средневековьем и читала все, что смогла найти о том периоде человеческой истории. Так вот, учебный корпус чертей напоминает изнутри средневековый замок. Стены из грубо отесанного камня, и такой же пол, окна с витражами и гобелены на стенах.

В аудиториях между рядами здорово мешали колонны, поддерживающие потолочные арки. И совершенно резали глаз более современные (опять же по меркам людей) шкафы, полки и парты.

Странная обстановка и странные Верховные...

Поэтому последнего на сегодня занятия – с Асмодеем – я ждала с нетерпением. Я давно мечтала побольше узнать об этом загадочном Верховном, с которым связана моя семья. Но возможность появилась только сейчас. И я надеюсь, что не разочаруюсь...

Я сидела как на иголках, ожидая, когда Верховный войдет в душную аудиторию. И я оказалась не одна такая. Многие на курсе были наслышаны о довольно нелюдимом черте и тоже хотели посмотреть на местную легенду.

И все равно мы пропустили момент, когда старая дубовая дверь распахнулась, и главный искуситель Ада влетел в аудиторию.

– Приветствую, выпускники, – загадочно улыбнулся Верховный, замерев перед преподавательским столом.

Демоны... Он был удивительным... И в тоже время таким... простым. Что это просто вгоняло в ступор.

Асмодей наблюдал за нами, пока мы изучали его.

Простое, слегка округлое лицо, умело украшенное трехдневной щетиной. Бездонные черные глаза и иссиня-черные волосы, выбритые на висках. Ничего особенного. Но мне до дрожи захотелось прикоснуться к нему. Провести кончиками пальцев по мягкой линии скул... тонким губам...

Я тряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение. А Верховный заговорил:

– «Я устраиваю забавные браки – соединяю старикашек с несовершеннолетними, господ – со служанками, бесприданниц с нежными любовниками, у которых тоже нет ни гроша за душой. Это я ввел в мир роскошь, распутство, азартные игры и химию. Я изобретатель каруселей, танцев, музыки, комедии и всех новейших французских мод. Одним словом, я Асмодей, по прозвищу Хромой Бес. ...Я бес сладострастия, или, выражаясь более почтительно, я бог Купидон. Это нежное имя мне дали господа поэты: они рисуют меня в очень привлекательном виде. Они утверждают, что у меня золотые крылышки, повязка на глазах, в руках лук, за плечами колчан со стрелами и что при этом я восхитительно хорош собой».

Народ завис. Я сама сидела, приоткрыв рот от удивления. А Асмодей, налюбовавшись нашими растерянными лицами, усмехнувшись, пояснил:

– Так меня описывал некто Лесаж в своем романе «Хромой бес». Правда, по его словам я душка? – Асмодей еще раз усмехнулся. – Но давайте серьезно. Итак, дамы и господа, я – Верховный искуситель Ада, – он запрыгнул на стол. – Согласитесь, смешно? Каждый второй сидящий здесь черт – искуситель. А мы – Семерка – и вовсе мастера этого нехитрого дела. Все

семеро. Без исключений. Но лавры достаются мне. Почему?.. Я повторяю. Нет, перефразирую. Неважно, в чьей ветви вы родились. Две трети из вас – все равно искусители. И ваша главная задача – искушить человека так, чтобы он был готов отдать все, включая душу за то, чего он так желает. А наша задача – научить вас давить на тот грех, которому ваша жертва легче всего может поддаться. В моем случае – это похоть. Самое сладкое искушение из всех возможных.

Он довольно улыбнулся, продолжая разглядывать нас. И я была уверена, что каждый сидящий в аудитории не мог оторвать от него взгляд. Потому что сама наблюдала за ним как зачарованная. И чувствовала, как внутри вспыхивает совершенно неуместный огонек желания. И чем чаще я встречалась взглядом с Верховным, тем сильнее он разгорался...

– Итак, мой грех один из самых приятных. Самые чувственных и ярких. Похоть. – Теперь он ухмыльнулся, сверкнув глазами. – Но вы знаете, что Левиафан, например, – мастер искушать через чудеснейший порок. Через зависть. А Люцифер? Вы и представить себе не можете, как тонко он играет на людской гордыне... Но я отвлекся. Наш гуру, Фер, наверняка поведал вам о грехе?

Последняя фраза явно была вопросом. Так что в аудитории послышались неуверенные утвердительные возгласы.

– Да! – громко ответила я. И только после поняла, что натворила.

– Кто тут у нас? – вскинулся искуситель. – Встань!

Пришлось подчиниться.

– Ника Иерон Искуриус, Верховный, – отрапортовала я, сделав легкий поклон.

– Ника Иерон Искуриус... – протянул Асмодей, рассматривая меня. – И что же ты можешь рассказать нам о грехе?

Хар! Он говорил так, что само собой возникало желание броситься на него прямо в аудитории. На глазах у всех. Броситься, прижаться всем телом и поцеловать.

– Ника?

Голос искусителя вывел меня из транса. Я смутилась и пробормотала:

– Простите, Верховный, я отвлеклась...

– Конечно, отвлеклась. Внимание, курс! Вот так действует обаяние похоти на человека, – и, указав на меня рукой, он подмигнул.

Я почувствовала, что покраснела. И не просто покраснела. Щеки и шея пылали от стыда. Так глупо поддаться его чарам и даже не заметить этого! Да еще и на глазах у всех!

Народ отреагировал неоднозначно. Кто-то тихо посмеивался над моим промахом. Кто-то выглядел растерянным, словно и сам попался на удочку Верховного. А кто-то и вовсе сидел и что-то конспектировал.

– Ну а теперь, милая, поведай нам, что же Люцифер рассказал о грехе? – как ни в чем не бывало, снова потребовал Асмодей.

– Он рассказывал, что каждая религия по-своему понимает грех, – медленно, запинаясь, начала я. – Но мы в Аду придерживаемся своих собственных взглядов. Так как Верховная Семерка... хм... отдала предпочтение семи конкретным грехам... Это и сформировало то, что люди называют «главными» или «коренными» грехами.

– Перечислишь?

Демоны, да я бы с удовольствием сейчас сбежала отсюда, вместо того, чтобы повторять прописные истины. Но кто же мне позволит? Так что я покорно ответила:

– Чревоугодие, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. И блуд. Изначально.

– Почему восемь? – еще один спокойный вопрос.

– В христианстве их выделяют, как «личные грехи». Все восемь. Поступки против совести и десяти заповедей. Позже из них сформировались семь смертных грехов. Видимо, вы решили внести коррективы в сознания людей, – я неуверенно улыбнулась.

– Хорошо, – он отвернулся от меня, и я тут же села. – Итак, похоть. Интересный, приятный, желанный грех. Но что есть похоть?

На этот раз в аудитории стояла абсолютная тишина. Наученные моим опытом сокурсники, молча, уткнулись взглядом в свои узкие учебные столы и делали вид, что понятия не имеют, о чем речь.

– Ясно... Я разочарован, дети. Вот вам немного пищи для размышлений. Католическая церковь считает, что похоть – это неумеренное стремление к сексуальному наслаждению. Желания и деяния, по их мнению, признаются неумеренными, когда не согласуются с божественным замыслом, который состоит в благоприятствовании взаимной любви между супругами и продолжению рода. Я понятно излагаю?

В этот раз внимательно слушавшие Верховного черти ответили хором. Асмодей хмыкнул, явно забавляясь, глядя на страх ребят быть поднятыми со своего места, и продолжил.

– Или вот вам цитата из дневника одной проститутки. «За час я беру триста пятьдесят швейцарских франков. Это – дорого. За вычетом времени, нужного, чтобы раздеться, более или менее правдиво изобразить какие-то ласки, поговорить о чем-то совершенно очевидном и одеться, на секс как таковой остается всего одиннадцать минут», – Асмодей говорил так, словно помнил текст записи наизусть. Возможно, так оно и было, потому что так ни разу и не сбившись, он закончил: – «Одиннадцать минут. Весь мир вращается вокруг того, что длится всего-навсего одиннадцать минут. И вот ради этих одиннадцати минут в сутки (при том заведомо невыполнимом условии, что все мужчины ежедневно занимаются любовью со своими женами) они вступают в брак, обеспечивают семью, терпят плач младенцев, подыскивают правдоподобные объяснения, если ненароком вернутся домой позже обычного, глядят на десятки или сотни женщин, с которыми были бы не прочь прогуляться по берегу Женевского озера, покупают дорогую одежду себе и еще более дорогую – им, платят проституткам, чтобы компенсировать нехватку – а чего именно, они и сами не знают – поддерживают огромную индустрию косметики, диеты, фитнеса, порнографии, и вопреки расхожему мнению, в чисто мужском обществе говорят не о женщинах, а делах, о деньгах, о спорте. Что-то неладно с нашей цивилизацией»⁴. Что вы об этом думаете? Весь мой грех, всю мою работу люди свели к одиннадцати минутам. Наглецы...

Мы молчали. Верховный оказался великолепным рассказчиком, и мы слушали его, затаив дыхание. Однако Асмодей не стал продолжать лекцию. Вместо этого, он хмуро осмотрел аудиторию и сказал:

– Но не буду-ка я облегчать вам задачу. Так что записывайте домашнее задание, – Асмодей подождал, пока перестанут шуршать страницы раскрывающихся блокнотов, и продолжил: – Первое. Вначале следующей лекции вы должны определиться с наставником. И сообщить ему об этом. Я возьму... хм... ну пусть будет десять учеников. Остальные Верховные зачастую берут и больше... Второе. Вот вам буддийская легенда: «Чу и Ву, проведя неделю в монастыре, где они предавались медитациям, возвращались домой. И по дороге рассуждали о том, какие искушения одолевают человека. Подойдя к берегу реки, они увидели красивую женщину, не знавшую, как перебраться на другой берег. Чу поднял ее на руки и перенес через реку, после чего продолжил свой путь вместе с Ву.

Спустя небольшое время тот спросил:

– Мы с тобой говорили об искушении, а потом ты взял эту женщину на руки. И тем самым дал греху возможность проникнуть в твою душу.

– Дорогой мой, – отвечал ему Чу, – я поступил естественно. Встретил женщину, перенес через стремнину и оставил на другом берегу. А вот ты продолжаешь нести ее в мыслях своих – и потому находишься ближе ко греху».

⁴ Из записей Пауло Коэльо и его романа «Одиннадцать минут»

Он диктовал медленно, давая нам возможность записать легенду слово в слово.

– На следующем занятии расскажите мне, кто из монахов прав. Кто же из них ближе к греху.

И не дожидаясь наших возможных вопросов, он вышел из аудитории. И что это было?

Из дневников Асмодея

Хар! Когда дочка Евы успела так повзрослеть?! Когда успела превратиться в привлекательную чертовку, мимо которой не пройдет ни один здравомыслящий мужчина?!

Хотя чему я удивляюсь? Я же сам старался держаться подальше от их семьи. Вот и пропустил такую новость...

А она ведь уже учиться заканчивает! Ох... Мысли тут же вернулись к сегодняшней лекции. Надо же было так ужасно начать спецкурс? Вел себя, как зеленый черт после выпуска на первой лекции, честное слово!

Злой сам на себя я с силой толкнул дверь «Трех демонов», и та с грохотом треснулась о стену. Посетители подняли головы, посмотреть, что за критин мешает их спокойному отдыху, но я не обратил на это внимания. Все еще погруженный в мысли о девчонке и лекции, я уселся за любимый столик и жестом показал бармену, что мне как обычно.

А ведь начал-то неплохо! А потом дочь Евы вякнула свое «да» и все...

Демонесса принесла мое пиво, и я, наконец-то, оторвал взгляд от столешницы. Чтобы почти сразу заметить свою новую ученицу, сидящую в компании друзей на другом конце зала. И что только тут забыли?

Студенты предпочитают скандально известный трактир «В гостях у Вели». После Евиных походов это место стало одним из самых популярных в Аду. Госпожу бывшую дофин это бесит, но что она может поделать? Тут даже я бессилён.

А Ника все же адски красива! Узкое лицо с плавной линией скул и тонкими губами, обрамлено коротко остриженными черными волосами, выкрашенными прядями в аквамариновый цвет. Явно под глаза. Никогда таких не встречал. В ее глазах голубой оттенок плавно переходил в зеленый, мягко окантованный едва заметной коричневой полоской по окружности зрачка. С нашим острым зрением, смотреть в них было даже больно.

Почему?

Мимо таких не пройдешь. Глаза истинной искусительницы! Глаза, способные лишить тебя воли.

Девчонка повернула голову в мою сторону, и я поспешно отвел взгляд. Но надолго меня не хватило, и я снова начал наблюдать за ней и ее компанией.

Рядом с Никой сидел ее парень. Догадаться тут было не сложно. Только близкий мужчина может позволить себе так нагло держать руку на внутренней стороне бедра спутницы.

Самое забавное, что Нике такая демонстрация позиции «это все мое» явно не нравилась. Она то и дело убирала его руку. Но парня это не сильно волновало.

Нужно будет выяснить, что за самец-доминатор мелкого пошиба претендует на ее сердце. И почему Еву и Иера этот самец устраивает.

Я выругался.

Ну, зачем мне это? Зачем я вообще об этом думаю? Это же ДОЧЬ ЕВЫ! Фу, Асмодей, низзя!!!

Но ведь заинтересовала...

– На кого ты пялишься? – передо мной возник Люцифер.

Старший Верховный обернулся, осмотрел зал и все понял.

– Даже думать не смей!

– Да я и не собирался... – то ли возмутился, то ли попытался оправдаться я.

– Ну-ну. Ас, я знаю, этот взгляд, – Фер уселся напротив, и через вздох перед ним поставили стакан виски со льдом.

Верховный благодарно улыбнулся официантке и та тут же зарделась. А когда он заговорил, девчонка и вовсе растеклась. Класс, а ведь это я тут черт, ответственный за похоть.

Люцифер равнодушно поболтал с ней пару минут, заказал поесть и отпустил с миром. Без всякого намека на более тесное общение... Иногда мне кажется, что он не понимает, какой эффект производит на женщин.

Но демоны с его закидонами. Вернемся к разговору.

– Брат, я вроде в последние годы не давал поводов сомневаться в своих умственных способностях, – заметил я, когда официантка отошла.

– Хорошо, что уточнил временные рамки. А то я бы ответил, – усмехнулся Фер.

– Иди ты... к лешему!

– А ты пойди и найди ту, с которой сможешь выпустить пар, – на удивление серьезно посоветовал Люцифер. – А то воздержание для искусителя чревато локальным апокалипсисом.

– Есть в твоих словах доля правды... – протянул я, после чего залпом допил пиво. – Прогуляюсь-ка я...

– ...в Евину эпоху, – закончил за меня брат.

– Я так предсказуем?

– Угу, – Люцифер обидно хохотнул.

– Ну и Высшее с этим. До встречи, братец.

На самом деле у меня были другие планы. Но раз уж даже Люцифер считает, что мне нужно развеяться... Что ж, отправлюсь на прогулку.

Но далеко я не ушел. Почти у входа меня перехватил Сатана.

– Здравствуй, брат, найдется минутка?

Сегодня что приемный день?! Но я, естественно, улыбнулся и ответил:

– Приветствую, – мы пожали предплечья. – Конечно. Пройдемся?

Рядом с массивным властелином гнева я всегда ощущал себя неудобно. Сат прекрасно это знал и лишний раз меня не беспокоил. И потому его неожиданное появление здорово настораживало.

– Люцифер говорил тебе о слухах, гуляющих по миру? – Сатана старался говорить тихо, но с таким басом, как у него, получалось плохо.

– Нет. В чем дело?

– Ходит молва о группе чертей, возжелавших занять наше место.

– Ты нашел меня, чтобы разыграть?

Нет, мой брат не любит врать или смеяться. Но то, что он озвучил, просто нереально. Кто в здравом уме посягнет на фундамент своего мироздания?

Однако хмурый взгляд Верховного говорил о том, что он абсолютно серьезен.

– Фер считает, что предпринимать какие-то действия пока рано. Но я прошу тебя. Попробуй что-то выяснить. Все же страсть часто развязывает людям языки. Да и не только людям.

– Хорошо, Сатана, я постараюсь что-нибудь узнать, – пообещал я, пока слабо представляя как это сделать.

– Это я и хотел услышать. Хорошего дня, Асмодей.

– Хорошего дня, – задумчиво откликнулся я.

Поразмышлять было о чем. Но не сейчас. Сейчас я пошлю все к лешему и отправлюсь-таки в человеческий ночной клуб...

Лекция вторая: дополнения к вводной части

Я каждой клеточкой своего тела ощущала его взгляд. Кожа пылала так, словно он не наблюдал, а мягко прикасался ко мне.

Я залпом выпила почти целый бокал вина, пытаюсь потушить бушующее в груди пламя.

Я изо всех сил старалась не думать о том, что Асмодей здесь, и что он смотрит на меня. Но ничего не могла с собой поделать.

Оли, заметив мое возбужденное состояние, положил руку на внутреннюю сторону моего бедра. Но я тут же ее скинула. Его прикосновения сейчас ощущались, словно наждачная бумага на чувствительной коже. Это раздражало.

А потом ощущение исчезло.

Удивленная, я тут же начала искать глазами Асмодее. Но Верховный ушел.

Под волной облегчения смешенного с разочарованием огонь начал затухать. Но желание все равно осталось. Осело тлеющими углями внизу живота, требуя, почти приказывая. Словно говоря: «только он сможет потушить это пламя полностью»...

– Ты в порядке? – внезапно спросил Оливер.

– Да, конечно, – соврала я. – Просто здесь душно, мне нужно на воздух.

– Тогда давай уйдем.

Уверена, что Оли рассчитывал на совсем иной финал вечера. Но мне пришлось его разочаровать. Я практически сбежала от него домой, клятвенно пообещав встретиться завтра в «У Вели».

А дома я залезла в ванну и долго лежала, пытаюсь придти в себя после всего, что произошло за этот слишком долгий день.

Утро началось для меня почти в полдень с ужасной головной боли. Я полночи просидела, размышляя над разными вещами. Точнее сначала, хорошенько отмокнув в воде с маслами, я уселась за задание, данное Асмодеем. А потом мысли съехали на него самого, выбор наставника и план побега.

Я, наверное, в детстве регулярно выпадала из люльки. Или папа меня периодически ронял. Иначе я не знаю, как объяснить, абсолютно ненормальное желание выбрать наставником Верховного искусителя.

Но я действительно хотела к нему. И одновременно убежать от него как можно дальше.

Подобные мысли продолжали кружиться в моей голове, пока я собиралась на свидание с Оливером.

После вчерашнего я чувствовала себя виноватой. Поэтому решила принарядиться, чтобы немного порадовать своего мужчину. Натянула обтягивающее, как вторая кожа, платье, откопала туфли на опасно высоком каблуке и двинулась в путь. Благо до «В гостях у Вели» от бывшего жилища моего отца совсем не далеко.

Оливер перехватил меня по дороге в бар. Мы столкнулось меньше, чем в квартале от оговоренного места встречи. Даже не поздоровавшись, он схватил меня за руку и буквально потащил в сторону узкого прохода между двумя пятиэтажками, служившими демоническими общежитиями.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я, едва поспевая на каблуках за его широким шагом.

Не отвечая, он прижал меня к стене и поцеловал. Удивленная его напором, я все же ответила и даже немного расслабилась. Ровно до того момента, пока он не начал задирать подол платья.

Расслабленность испарилась, прихватив с собой и чувство вины.

– Оливер, что ты делаешь? – пытаюсь отстраниться, спросила я сквозь поцелуй, который он и не думал прекращать.

– Домогаюсь своей женщины, что же еще, – невозмутимо откликнулся он, продолжая попытки меня раздеть.

– С ума сошел?!

– Разве что от твоей красоты.

– Оли, я не буду заниматься сексом в грязной подворотне в двух шагах от одного из самых популярных баров Ада! – я почти кричала.

– Ой, да ладно тебе.

Я опешила, услышав такой ответ. Чем он и воспользовался и задрал-таки мою юбку.

Я отчаянно сопротивлялась, параллельно рассуждая над тем, что изнасилование в Аду, казалось бы, должно быть логичным элементом. Но оно строжайше запрещено. И демоны защитите того, кто этот запрет нарушит. Верховные жестоко карают каждого насильника, независимо от социального статуса.

– Нужна помощь? – Голос Асмодея заставил мои ноги подкоситься.

Надеясь, что это просто галлюцинация, я повернула голову и столкнулась с пристальным взглядом темных глаз. Что он тут делает?!

– Нет! – бросил Оли, едва ли понимая, с кем говорит.

– А я думаю, что да. Ты сейчас отпустишь девушку. А ты, Ника, подойдешь ко мне, – продолжая смотреть только на меня, приказал Верховный.

– Да кто ты тако... – возмущенно начал Оливер, но увидев Асмодея, осекся и замолчал.

Парень отшатнулся от меня, как от чумной. И даже отошел на несколько шагов. Осознал, наконец, что пытался послушаться прямого приказа одного из Семерки!

Я поправила платье, пригладила волосы и только после этого подошла к Асмодею.

– Идем, – скомандовал тот и первым двинулся в сторону «Вели».

Я покорно засемила следом.

«В гостях у Вели» заведение поистине легендарное. Таверна, бар или забегаловка – никто так и не определился – удивляет уже дизайном фасада. Точнее полным отсутствием стиля и логики в нем.

Сотый раз подхожу к этому месту и все равно поражаюсь. Чей гениальный ум мог вывести то ли пальмы, то ли фикусы, то ли вообще смесь бульдога с носорогом, стоявшие в огромных деревянных кадках по бокам от двери?

Но растения, странные даже по меркам Ада, это полбеда. Особая гордость этого заведения – вывеска. На огромных светящихся в темноте словах «В гостях у Вели» лежал, опираясь на локоть и свесив ногу, черт. Судя по костюму – явно мужчина. Судя по блаженному выражению лица – явно довольный напитком, который он пил. Судя по названию заведения – это Вельзевул. И я искренне жалею, что не имела возможности посмотреть на лицо Верховного, когда он впервые увидел такой вот свой портрет...

Пока я пялилась на вывеску, Асмодей толкнул тяжелую дубовую дверь и выжидательно уставился на меня.

Я смутилась и быстро прошмыгнула мимо него в бар.

Верховный вошел следом. И все в заведении тут же замерли. Асмодей на удивление грустно улыбнулся и крикнул:

– Ортос! Вина для дамы! И я надеюсь, в твоей чем-то милой моему сердцу дыре найдется кофе?!

– Конечно, Верховный, – откликнулся демон, клыкасто улыбнувшись. – Устраивайтесь поудобнее.

Мы прошли мимо притихших чертей, сидящих за круглыми грубо сколоченными столиками, в дальний угол и сели. Асмодей молчал, а я, чтобы не встречаться с ним взглядом, осматривала зал.

Деревянные панели на стенах, люстра-колесо, длинная барная стойка и музыкальный аппарат с бильярдными столами. Мне иногда кажется, что это место нахваталось с мира по нитке, с эпохи по куску.

Обычно наши заведения выбирают какой-то временной отрезок истории людей и оформляют зал в его стиле. Но «В гостях у Вели» не такой. Это заведение наглядно демонстрирует всю эклектичность Ада.

Огненнохвостый демон принес наш заказ. Тихо поставил перед Асмодеем чашку кофе, а передо мной – вино и сыр на одной тарелке с фруктами.

– Я позволил себе предположить, что ты голодная, – шепнул старый друг моей мамы. – Ну а вино твоё любимое.

– Спасибо, Ортос, – искренне поблагодарила я.

– Не за что, милая.

За столом снова стало тихо.

Я пригубила вина и Верховный, наконец, заговорил:

– Ника, ты в порядке?

– Да, спасибо. За все спасибо. Но мы бы и сами смогли разобраться... – затараторила я.

Но он перебил:

– О да, я заметил...

И мы опять замолчали.

Я рискнула поднять глаза и тут же попала в плен его изучающего взгляда. Асмодей внимательно рассматривал меня, кончиками пальцев скользя по ободку кружки. Огонь, недавно усилившийся в моем теле, снова дал о себе знать. Я заерзала, не зная, куда себя деть. Но тут же заставила себя собраться и, глубоко вздохнув, коснулась второй руки искусителя, свободно лежащей на столе, и попросила:

– Верховный, прошу вас, не наказывайте Оливера. Он иногда ведет себя... невыносимо. Но у него и в мыслях не было оскорбить вас. Он просто потерял контроль над собой из-за того, что вчера я вела себя немного странно...

Пока я говорила, Асмодей перехватил мою ладонь и начал медленно поглаживать костяшки пальцев. От этой простой ласки по телу прошла толпа мурашек. А внизу живота уже вовсю бушевало пламя желаний. Я жала бедра. И, пытаясь скрыть свою нервозность, пригубила вина.

– Ника. Я могу обещать, – он поднес мою руку к губам и мягко поцеловал, отчего у меня перехватило дыхание, – что ему ничего не будет за продемонстрированное сегодня пренебрежение, – еще один поцелуй. – Но, Ника. Если он позволит себе еще хотя бы раз обидеть тебя... – его губы снова коснулись моих пальцев, – я его убью.

Услышав последнее, я отдернула руку. Да так резко, что едва не упала со стула.

– Асмодей, прошу вас!

– Ника, ты сама знаешь, что в Аду запрещено насилие сексуального характера... Без обоюдного на то желания, – он подмигнул.

– Я понимаю... Верховный, пожалуйста! Я прошу вас, не нужно, – я снова придвинулась к столу.

Он подался мне на встречу и ответил:

– Хорошо... Но учти, есть грани, за которые нельзя заходить...

Он недоговорил, но я и так все поняла. В Аду с дисциплиной строго. И даже если Асмодей закроет на что-то глаза, остаются еще шесть Верховных... А если узнает дедушка Люцифер... Я поежилась, представив, что он сделает с Оливером.

За столом снова повисла тишина. Я рассеянно щипала сыр, не рискуя поднимать глаза. А Асмодей пил кофе.

Бесшумно подошедший Ортос заново наполнил мой бокал, озабоченно покосившись на главного искусителя Ада. Но спрашивать ничего не стал.

А вот Асмодей спросил. Совершенно неожиданную вещь.

– Ника, ты уже выбрала наставника?

– Я еще думаю, Верховный, – я почувствовала, что краснею.

– Пойдешь к Люциферу? – равнодушно предположил он.

– Я хотела выбрать вас... – не подумав, ответила я. И тут же сама испугалась своих слов.

Я кожей ощущала возникшее между нами напряжение. И это окончательно вывело меня из равновесия. Сделав большой глоток вина, я рискнула посмотреть на Асмодея.

А тот продолжал наблюдать за мной. И я не могла понять, что выражает его взгляд.

– Простите, Верховный, я забываюсь, – обреченно пискнула, поняв, что такие студенты ему не нужны.

– Ты действительно хочешь ко мне?

– Да...

– Ника, что ты знаешь о печати Асмодея?

Резкая смена темы застала меня врасплох.

– Только то, что у каждого из Верховных есть печать. Кто-то называет ее печатью принадлежности. Кто-то символом защиты. А кто-то клеймом владения. Такую печать Верховный дарует избранным приближенным, – растерянно ответила я.

– Это не совсем верно. Мы не только «даруем ее избранным приближенным». Но и на время спецкурсов мы отмечаем ей своих учеников. Это знак отличия и способ защиты.

– Я об этом никогда не слышала.

– Если бы ты училась только в Высшей школе, тебе не была бы нужна эта информация, – он вскинул руку и показал какой-то странный символ.

– Вы хотите сказать, что если я выберу вас... – начала я и тут же исправилась: – То есть если вы выберете меня. То у меня появится что-то типа татуировки?

Ортос принес Верховному бокал вина. Значит, жест предназначался для него...

– Да. Обычно я ставлю ее на запястье. Но в твоём случае... – он пробежался глазами по моему телу. – Даже не знаю, как поступить...

– А что не так в моем случае? – тут же оцетинилась я, бросив взгляд на свои руки.

Запястья как запястья. На правом, скрывая все предплечье, красовался наруч. На левом не было ничего. Я даже браслетов не носила никогда.

– Ника, твоя мама...

Но я его перебила:

– Верховный, это мой выбор, – сказала твердо и вдруг осознала, что это действительно так. Это мое решение, моя жизнь и мои желания...

– Тогда выбирай место, – невозмутимо откликнулся Асмодей.

Я задумалась. Лопатка?.. Щиколотка?.. Основание шеи?.. Внутренняя сторона бедра?.. Дав себе мысленную затрещину за последнее предположение, я попыталась сосредоточиться. Нужно было выбрать скрытое место. Но такое, чтобы искуситель понял, как важно то, что он согласился меня учить. Как я ценю это.

Асмодей ждал, с ехидной улыбкой наблюдая за моими мыслями. Уверена, что он читал мое лицо как раскрытую книгу.

Я еще раз перебрала в голове все возможные варианты. Убедилась, что запястье действительно было бы самым логичным решением, но не для меня. И решила.

– Здесь, – выдохнула, приложив ладошку к ребрам с левой стороны.

Верховный проследил взглядом путь моей руки и задумчиво прикусил нижнюю губу. Жест безобидный по сути, но наполненный по содержанию на столько, что у меня возникло ощущение, что я сижу перед ним абсолютно голая.

– Я должен прикоснуться к выбранному месту, чтобы нанести печать, – хрипло пробормотал Асмодей.

– Вы хотите, чтобы я разделась прямо здесь?! – потрясенно воскликнула я.

Несколько чертей, сидящих за соседними столиками, повернулись в нашу сторону.

– Нет, – рявкнул искуситель, и народ тут же вернулся к своим тарелкам. – Идем.

Он встал из-за стола и подал мне руку.

– Ккуда? – запинаясь, спросила я, покосившись на протянутую ладонь.

– Провожу тебя домой.

Из дневников Асмодея

Мы с Никой вышли из «В гостях у Вели» и остановились около одной из кадок. Я повернулся к ней и столкнулся с полным недоумения взглядом. М-да, кажется, я совершенно выбил ее из калии.

– Ника, я понятия не имею, где ты живешь, – объяснил остановку.

Девушка ступевалась.

– Простите. Идемте.

– Идем.

На самом деле я был ужасно зол! На себя. На этого Оливера. И даже на Нику! Язык чесался спросить, зачем она вообще связалась с этим ненормальным чертом. Но я молчал. В конце концов, это ее дело. И меня ее личная жизнь не касается. Совершенно не касается.

Хар, выглядит так, словно я пытаюсь убедить в этом сам себя!

А дочка Евы, красная до корней волос, послушно семенила рядом, даже не подозревая о том, что творится в моей голове. И это хорошо. А то убежала бы в Рай от неожиданного внимания Верховного...

– Мы пришли, – ворвался в мои мысли тихий голосок.

Я поднял взгляд на дом, у которого мы остановились. Низкий, приземистый, с покатою крышей и выкрашенными в серый цвет стенами. Все те же резные ставни на окнах. Та же тяжелая дубовая дверь. И те же маленькие статуи на огненной лужайке.

– Все в порядке? – насторожилась Ника, видимо что-то увидев в выражении моего лица.

– Ты живешь в старом доме отца?

И зачем спросил? Вижу же, что да.

Я ни с чем не перепутаю дом, к которому волок Еву после нападения. И даже глубокой ночью в тусклом свете узнаю ступеньки, на которых разговаривал с Иером об этой взбалмошной душе.

– Да. Съехала от родителей не так давно, – растерянно ответила чертовка.

Но я едва ли ее расслышал, погруженный в воспоминания. О первой встрече, о наших вечных пикировках, о последнем разговоре...

Я тряхнул головой, отгоняя тени минувшего, и повернулся к Нике.

– Ты позволишь? – взглядом указал на ее левый бок.

– Давайте хотя бы в дом зайдем, – тихо попросила она.

– Нет, – резко отказался я. Но, заметив испуг на ее лице, тут же мягко объяснил: – Ника, мне не нужно тебя раздевать. Я поставлю печать через ткань.

Что-то промелькнуло в ее глазах. Что-то похожее на смесь облегчения с сожалением. Но она быстро отвела взгляд и кивнула:

– Хорошо.

Я аккуратно приобнял девушку, положив правую руку на ее ребра слева под грудью. И с удовольствием вдохнул сладковатый цитрусовый запах, идущий от ее волос. В штанах внезапно стало тесно, и я едва не зарычал. Эта чертовка странно влияет на меня. Пробивает все мои барьеры и уничтожает многовековую выдержку.

Я всегда умел владеть собой. А сейчас...

– Готова? – шепнул на ушко, с трудом поборов желание прикусить чудесную маленькую мочку. Потом поцеловать чувствительное местечко в основании шеи и дальше плечо... Ppp!!! Да что ж такое?!

– Да... – тем временем выдохнула она.

Я слышал, как быстро бьется ее сердце. Чувствовал, как она напряжена. Поэтому обнял ее второй рукой, крепко прижав к своей груди.

– Носи мою печать с гордостью, Ника Иерон Искуриус, – скороговоркой пробормотал и начал творить.

Девушка йокнула и обеими руками вцепилась в мое предплечье. Но уже через секунду взяла себя в руки и расслабилась.

– Готово, – я все же позволил себе оставить быстрый поцелуй на ее шее.

– Спасибо... наставник, – откликнулась она, мягко убирая мои руки.

– Теперь тебя никто не посмеет обидеть, – «да и тронуть, без моего разрешения, не посмеют» – чуть не добавил я, но сдержался.

– Спасибо.

– Увидимся завтра на лекции.

Ника не ответила. Моя новая подопечная задумчиво ощупывала ребра. А я, при виде этого зрелища, тихо ругнулся и поспешил убраться подальше. Понятия не имею, что в ней такого. Но рядом с ней я постоянно на грани.

Прогулка по Аду нисколько не способствовала прояснению моих мыслей. Я снова и снова думал о Нике. О том, как приятно прижимать ее к себе, вдыхать ее запах...

– Асмодей!

– Ох, хар! – ругнулся я, судорожно пытаюсь сообразить, как лучше поступить.

– Верховный, мне нужно с тобой поговорить! Стой!

Я остановился. Схватил Еву за талию и перенес нас к ней домой.

– Какого...

– Ева, ори на меня в своем доме, а не посередине улицы! – перебил я. – Пожалей остатки моей репутации!

Бывшая душа бросила на меня взгляд, в котором читалось что-то типа «а я смотрю, ты совсем головой поехал» и рассмеялась.

Я выдохнул. Значит, она еще не знает о печати. Значит, в ближайшее время она не полезет меня душить. А она ведь может. Ева в гневе – это что-то!

Любимая женщина Иера отсмеялась, поправила волосы и велела:

– Пошли на кухню, Ас.

Я не рискнул спорить.

Мы быстро пересекли холл, обошли широкую центральную лестницу и завернули в темный служебный коридор. И спустя полминуты оказались в рабочей зоне.

Чертовка быстро разогнала всех слуг и сама принялась заваривать чай.

Я уселся за столик у стены и стал ждать.

Ева изменилась. Повзрослела. Даже заматерела что ли... И внутренние изменения оставили свой отпечаток на ее внешности. Черты лица стали немного острее. Взгляд... К былой красоте и проникновенности, добавилась странная смесь из суровости и скрытых переживаний.

И я даже знаю, каких переживаний.

Даже став чертовкой, Ева сохранила человеческие взгляды и оберегала Нику, как ни одна мать в Аду не стала бы...

– Вот, – она поставила передо мной чашку и вазочку с вареньем и села рядом.

Меня снова накрыла волна воспоминаний. И откуда только взялась эта сентиментальность? Неужели спустя столько веков начал-таки стареть?

– Учти, Верховный, снова опрокинешь варенье – убирать будешь сам, – улыбнулась Ева, явно тоже вспомнив нашу первую встречу.

– Слушаюсь и повинуюсь, – подмигнул я.

Мы замолкли, наслаждаясь ароматным чаем. Ева вытащила из шкафчика какие-то конфеты. И поставив их на стол, заговорила:

– Асмодей, я хотела поговорить... даже попросить...

– Ева, – перебил я, – я знаю, что ты хочешь мне сказать. Никто не посмеет обидеть твою дочь. Не глупи.

– Легко тебе говорить... – пробормотала она в сторону.

– Милая, откуда вообще в твоей прелестной головке взялись такие панические мысли?

Бывшая душа смутилась.

– Понимаешь, – тяжело вздохнула, – я как-то легко смирилась в свое время с тем, что должна забирать души. Хотя сама забрала-то... Того сектанта... Да и он заслужил...

Она замолчала, пытаясь собраться с мыслями. Я не торопил. И вскоре она продолжила:

– Ас, ты же сам знаешь, я – человек. Была человеком, и под всей этой шелухой остаюсь им. И как любая человеческая мать, я готова рвать и крушить за свою дочь... Я так хотела, чтобы она выбрала канцелярскую работу...

Ева встала и начала ходить по кухне. Она всегда начинала мерить шагами комнату, когда нервничала.

Я перехватил ее и взял за руки.

– Успокойся. Я обещаю тебе, что с Никой все будет в порядке. Я сделаю все, чтобы...

– Что здесь происходит? – удивленный Иер замер в дверях.

– Привет, любимый, – Ева тут же бросилась к мужу.

– Привет, милая, – он обнял ее и чмокнул в макушку. – Верховный, – кивнул мне.

– Привет, Иер, – я подошел, и мы пожали предплечья. – Уверяю тебя, мы просто разговаривали о вашей дочери.

– Ева снова паникует? – он улыбнулся. И тут же скривился из-за болезненного тычка по ребрам.

– Да. Но я обещал присмотреть за Никой, – я честно пытался не засмеяться, глядя на гневно сопящую в объятиях Иера Еву.

– Я и не сомневался, – откликнулся черт. – Только не переусердствуй.

Что-то в его тоне заставило меня насторожиться. Мы встретились взглядом, и я понял, что в отличие от бывшей души, Иер о печати уже узнал.

– Постараюсь, – кивнул я в ответ на невысказанный вопрос.

– Вот и славно. Поужинаешь с нами?

– С удовольствием!..

Лекция третья: физика тела

На второй день лекции Верховных я ползла как беременная черепаха. Идти не хотелось совершенно. Но выбора у меня уже не было.

Вчера я долго рассматривала появившуюся слева чуть ниже груди печать Асмодея. Никогда раньше не видела этого символа (если честно, я ни одной печати Верховных никогда не видела). Между двумя кругами располагались буквы «A S M O D A Y»⁵. А внутри меньшего из них – странная искривленная стрелка, пересекающая линию с маленькими перпендикулярными зарубками. Весь рисунок был диаметром с мой мизинец.

И казался удивительно правильной частью меня...

Черная татуировка Асмодея не давала мне покоя всю ночь. Нет, она не болела и не жгла. Но она постоянно заставляла думать о том, кто ее оставил. О том, как Верховный прижимал меня к себе. Как мягко поцеловал... Prrr! Леший!

В очередной раз задумавшись о странном поведении Асмодея, я не заметила демона, стоявшего у ворот университета. И естественно врезалась в него!

Чешуйчатокожий парень недобро на меня глянул и отошел, ругаясь себе под нос.

А я, буркнув «извини», вошла на территорию «Центрального университета адских наук, пыточных дел и демонических изощрений».

Во дворе сегодня было оживленно. Судя по носящимся туда-сюда по каменным дорожкам дьяликам, у одного из их потоков сегодня какой-то внеплановый зачет. Рядовые служители Ада всегда очень нервно воспринимают сессию. Отчего страдают все вокруг. Так что не удивлюсь, если они сегодня снова разрушат статую-другую из-за своих «шалящих нервишек».

Я прошла мимо фонтана грешной любви (так почему-то его называла моя мама), представляющего собой небольшой круглый бассейн со скульптурной композицией в виде пары в центре, и свернула к учебному корпусу чертей.

Вообще студенческий городок состоял из центрального административного центра, трех учебных корпусов и библиотеки. Все здания были выдержанны в одной стилистике средневековых человеческих построек. Стены из темного камня, высокие шпили башен с узкими окнами-бойницами и все в таком духе.

Наш корпус оригинальностью не отличался. Хотя, насколько я знаю, только у нас на стенах красовались изречения о душе.

Вот, например, между двух колонн: *«Это только кажется, что за всё платят деньгами. За всё действительно важное платят кусочками души»*⁶.

То ли цитаты из людских книг, чем-то позабавившие Верховных, то ли отрывки из чертовских трактатов. Я никогда не интересовалась. Но постоянно удивляюсь некоторым из них.

*«Судить следует только душу – за то, как она пользовалась сосудом плоти. Сам сосуд, конечно, не подлежит приговору»*⁷. Зачем это написано там, где чертей учат души выменивать на желания?

Или вот, самое яркое: *«Только человек может отдать душу за то, что ему даже не нужно, и верить, что совершил выгодную сделку»*.

Ну, с последним я хотя бы могу согласиться...

Я бросила взгляд на огромные часы, украшающие холл, и хлопнула себя по лбу. Расчиталась тут! Еще немного и снова пришлось бы нестись по коридорам.

⁵ Асмодей

⁶ из романа Дмитрия Емца «Мефодий Буслаев. Лед и пламя Тартара»

⁷ Тертуллиан. «О воскресении плоти»

Я быстро пересекла мрачный холл и поднялась на третий этаж. До лекции Люцифера оставалось еще минут пять. Так что сегодня я все же не бежала сломя голову, а спокойно успела занять свое место...

Занятия у Верховных прошли на удивление спокойно и интересно. Сегодня черти давали план работы по своим спецкурсам.

Демоны, я и подумать не могла, что по каждому из семи грехов будет столько материала. Казалось бы, ну что там такого? Грех он и в человеческой Африке грех. Ан-нет!

У одного только Люцифера: «понятие греха и искушения», «что есть гордыня», «гордыня с точки зрения человеческих религий», «гордыня и прочие пороки», «гордыня как инструмент влияния на любое сознание»... И это только начало длинного списка!

А у Сатаны и Вельзевула свитки с темами были в два раза длиннее, чем у Люцифера!..

А еще сегодня отбирали студентов для персональных занятий. Дедушка Фер, естественно, предложил мне пойти к нему. Но, судя по полному отсутствию удивления на лице, прекрасно знал, что я откажусь. И нисколько не обиделся. Только понимающе хмыкнул и пожелал удачи.

Что ж впереди ждала самая сложная на сегодня лекция...

Асмодей опаздывал. Мы честно тихо ждали... Ну минут, наверное, десять. А потом занялись своими делами.

Так что влетевший в аудиторию еще минут через пятнадцать Верховный застал нас за самыми разными действиями. Кто-то из ребят играл в карты, кто-то нагло курил в окошко, а кто-то страстно целовался на последних партах. Были и персонажи, соревнующиеся в скалолазание по шкафам. Но все замерли, когда поняли, что появился преподаватель.

Немая пауза затянулась. Глядя на ошарашенное лицо узревшего все происходящее Асмодея, я порадовалась, что в отличие от большинства тихо сидела на своем месте и в сотый раз перечитывала буддийскую легенду.

– Какого лешего? – подозрительно мягко поинтересовался наставник.

Народ начал приходить в себя. Не рискуя смотреть на Верховного, но бормоча что-то напоминающее извинения, черти быстро разбежались по своим местам.

– На будущее. Если я опаздываю, вы сидите и ждете. На своих местах. Тихо. Спокойно. Как мыши под веником. Ясно?

Студенты почти синхронно кивнули.

– Ну что ж... Я могу рассчитывать на то, что услышу сейчас развернутые аргументированные ответы на заданный на прошлой лекции вопрос?

Народ молчал. Асмодей хмыкнул и прямо из воздуха вынул наш журнал.

Демоны, только не меня. Только не меня.

– Что ж... Посмотрим... – протянул он. – Предположим... Эрик?

Я облегченно выдохнула, наблюдая за тем, как в центре аудитории поднимается из-за стола высокий долговязый черт.

– Слушаю вас, – подбодрил его Асмодей.

– Я считаю, Верховный, что ближе к грехопадению был первый из...

Ответ Эрика получился длинным и нудным. И совершенно не устроил нашего учителя.

Асмодей мучил ребят одного за другим, заваливая кучей вопросов. А потом просто заявил:

– Курс, вы меня разочаровываете снова и снова. Я все еще жду ответ на свой вопрос. И надеюсь получить его хотя бы на зачете. Ну а теперь сегодняшняя тема.

Он спрыгнул со стола, на котором сидел во время опроса. И начал расхаживать между рядами.

– Сегодня мы будем говорить об азах. Об основах. О физике тела. О проявлении желания. Мне интересно, знаете ли вы как по внешним признакам определить, возбужден ли ваш собеседник?

Если честно, услышав тему, я немного расстроилась. Что тут может быть нового? По моему, любой понимает, возбужден его партнер или нет.

А Асмодей, проигнорировав растерянные шепотки, продолжил:

– Господа знатоки, начнем с самого простого. С мужчин. Перечислите мне признаки сексуального возбуждения сильной половины?

– Стояк! – крикнул кто-то с галерки. В аудитории послышались смешки.

– Печально, молодой человек, что головы у вас способны работать только посменно! – Даже не повернувшись в сторону выкрикнувшего, сказал Асмодей. – И еще печальнее, что сейчас работает явно не та, что на плечах. Еще!

Народ давился смехом, пока пунцовый юморист с задней парты не знал, куда себя деть. А Верховный продолжал ходить между рядами и требовать ответ.

– Учащенный пульс, – сказала, наконец, чертовка, сидящая на первой парте в ряду у двери.

– Уже лучше. Еще!

Но аудитория молчала.

– Что же вы за искусствители такие! Хриплый голос! Расширенные зрачки! Легкий румянец! Учащенное дыхание! Вы что, дамы, мужчинам выше пояса вообще никогда не смотрите?! А вы, черти, кровь прилила и все, остальные ощущения исчезли?!

Верховный злился. И уже почти кричал. А мы пристыжено молчали.

Не знаю, как остальные, но я себя чувствовала полной идиоткой. Мало того, что в последнее время я будто сама не своя. Мямлю, краснею, смущаюсь... Никогда раньше не вела себя так глупо! А теперь еще и понимаю, что на его занятиях я теряюсь и не могу ответить на самые элементарные вопросы. Демоны...

– Ника!

От неожиданности я подпрыгнула на месте.

– Да, Верховный.

– Прекрати витать в облаках и марш к моему столу!

– Но...

– Быстро!

Не желая злить и без того взбешенного наставника, я быстро сделала то, что он просил.

– Итак, женщина обыкновенная. На вид двадцати пяти человеческих лет. Хороша собой. Представим, что ее соблазняют. Возбуждают. Собираются затащить в постель. Как хотите назовите, только включите, наконец, мозги. Как по ее виду понять, что процесс пошел?

Я остолбенела. Да и остальные студенты растерялись.

Асмодей, видя, что курс отчаянно тормозит, подошел ко мне и встал за спиной.

– Хорошо, – пробормотал, положив руку мне на поясницу.

Я почувствовала, что краснею.

– Итак, все просто. Милый румянец у нас уже есть, – он провел тыльной стороной ладони по моей щеке. – Кто еще что заметил?

– Учащенное дыхание, – крикнула сидящая в ряду у окна Кира.

– Верно, – рука Верховного переместилась с щеки на мою шею. – Еще.

Незаметно от всех он кончиками пальцев исследовал мою спину. Едва касаясь, рисовал линии вдоль позвоночника и на пояснице, изредка заступая за пояс брюк.

– У нее зрачки расширились, – крикнул еще кто-то.

Но мне все труднее было сосредоточиться. Я боролась с собой, пытаясь не растечься лужицей от невероятно приятной ласки Асмодеев.

Нет, нет, нет. Я не здесь. Мне все равно. Меня совершенно не возбуждают его руки, медленно ласкающие мое тело. Мне совершенно наплевать на то, как я на него реагирую. И вообще... О демоны, надо представить что-нибудь мерзкое...

– Хорошо. Еще.

Тишина.

– Ну же. Внимательнее.

– Набухшие соски, – смущенно пробормотала девчонка, сидевшая за партой прямо передо мной.

– Верно, – рука Асмодея прошлась по моему боку, кончиками пальцев задев грудь. – И легкое смущение – это тоже признак возбуждения. И сжатые бедра. И покусывание губ.

Леший, я только сейчас поняла, что все это время кусала губы.

– Еще что-то?

Но все молчали.

– Странно, что никто из вас не заметил признак, присущий только чертям. Часто, когда мы возбуждены, наш хвост ведет себя своевольно. Если партнер далеко, то он оплетает наше бедро. А если близко... – он не договорил.

Я чувствовала затылком, что Верховный улыбается. И поэтому боялась посмотреть вниз.

Забери меня Высшее! Я знала, что увижу, как мой хвост оплел бедро Асмодея. И что кисточка сейчас, едва задевая, щекотала живот искусителя.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Верховный опять опозорил меня перед всем курсом!

– Что ж, студенты. Лекция показала, что очень маленький процент из вас подходит для похоти, – Асмодей отошел от меня. – Ника, поздравляю, я с радостью беру тебя в ученицы. А еще Верону, Эву, Олью, Киру и Кярэна.

На деревянных ногах я дошла до своего места и села. Народ вокруг выглядел расстроенным. Последнее заявление Асмодея перечеркнуло мой позор.

– Теперь общие лекции у вас будут раз в две недели. Индивидуальные занятия начнутся через неделю. Свободны.

Ребята начали уходить. Верховный то же вышел, даже не взглянув в мою сторону.

Я же, оставшись одна, какое-то время просто сидела, пытаюсь унять сердцебиение.

И только когда смогла спокойно дышать, я собрала вещи и вышла из аудитории.

Во дворе, сидя на лавке, меня дожидался Оливер. Ну здорово... Как будто лекции Асмодея на сегодня было мало...

Мой наверно уже бывший парень расположился спиной к корпусу чертей, так что я решила попробовать незаметно прошмыгнуть мимо него вдоль зданий.

Мне почти удалось. Я уже была у ворот, когда Оливер меня заметил.

– Ника!

Я сделала вид, что не слышу.

– Ника! – он поймал меня за руку. – Прощу, давай поговорим!

Я тяжело вздохнула.

– Хорошо.

Оли увлек меня на скамейку у фонтана. Сел рядом и взял за руки.

– Прежде всего, я хочу извиниться перед тобой, – пристыжено глядя в сторону, начал он. – Я вел себя ужасно...

Оливер был очень красивым мужчиной. Ростом выше среднего он всегда выделялся в толпе.

Девчонки бегали за ним с детства, ведясь на ангельские голубые глаза и скульптурно очерченные скулы. А мне всегда нравилось смотреть на него. Зарываться пальцами в локоны цвета горького шоколада. Целовать тонкие губы...

Но не теперь.

Ненормальное желание близости с Асмодеем словно выжгло мои чувства к Оливеру.

А может Верховный и не при чем. Просто после последних событий я сама увидела, что внешняя красота этого черта скрывает внутреннее уродство.

– Прости, Оли, но я не могу.

– Ники, я знаю, что я облажался. Сам не понимаю, что на меня нашло! Любимая, все о чем я прошу – это еще один шанс.

Он смотрел на меня преданным взглядом оголодавшего кота. Но я не верила. Ни единому слову, ни единому жесту.

– Нет.

Я встала со скамьи, но он снова не дал мне уйти.

– Конечно, ведь Верховный – более выгодная партия. Не так ли, Искуриус? – прошипел он, стиснув мое предплечье так, что затрещали кости.

– Ты делаешь мне больно, – процедила я.

– Не глупи, дофин. Ему даром не нужна такая как ты. Особенно после истории с твоей матерью.

– Иди ты к лешему! – Я вlepила ему пощечину.

Оливер тут же меня отпустил, и я развернулась, чтобы уйти. И заметила стоявшего у корпуса демонов Асмодея. Верховный внимательно за нами наблюдал.

О нет!

– Ты еще пожалеешь о том, что выбрала его! – бросил Оливер мне в спину и ушел.

Я не ответила, продолжая смотреть на Асмодея.

«Умоляю, наставник, не вмешивайтесь!» – мысленно кричала я.

Верховный проследил взглядом за Оливером, а потом посмотрел прямо мне в глаза. Я скорее почувствовала, чем поняла, что он хочет что-то сказать и тут же перестроила слух⁸.

– Это его последняя ошибка, Ника, – едва слышно проговорил Асмодей. – В последний раз я позволяю тебе его защитить.

И он тоже ушел.

Я тяжело опустилась на скамью. Да что же это за день сегодня такой...

⁸ У чертей острый слух и превосходное зрение. В силу природных особенностей, при необходимости, они фокусируются и могут видеть очень далеко, и слышать нужные звуки через приличные расстояния.

Лекция четвертая: план индивидуальных занятий

Не желая тратить время на борьбу с пуговицами, я стянула с Верховного рубашку через голову. Тот в ответ рванул молнию моего платья и стащил его с плеч.

Я с радостью избавилась от раздражающей ткани и поцеловала Асмодея. Довольно улыбнувшись ему в губы, провела ладошками по широкой груди, накаченному прессу и схватилась за ремень.

Глухо зарывчав, Ас разорвал мое белье. И не дав закончить с брюками, повалил на кровать.

Я приподнялась на локтях, прикусив губу, наблюдая за тем, как он медленно опускается рядом. Верховный страстно поцеловал меня. Так, что если бы я не лежала, то непременно бы упала. И начал мягко поглаживать внутреннюю сторону бедра.

Я выгнулась ему навстречу, но получила лишь легкий укус в шею.

– Ас!

Усмехнувшись, искуситель опустил ниже и поцеловал ключицу. А потом его губы начали неторопливо ласкать мою грудь, изредка покусывая разгоряченную кожу.

Верховный аккуратно зажал мой сосок, одновременно ощутило куснув второй, и я вскрикнула от удовольствия, зарывшись пальцами в его волосы.

Асмодей начал целовать мой живот. Медленно. Слишком медленно спускаясь все ниже и ниже.

Я заерзала, желая большего. Но Верховный лишь улыбнулся, не прерывая ласки.

А потом его палец резко скользнул в меня.

От неожиданности я вскрикнула. Асмодей тут же отстранился.

– Ас?

Искуситель, внимательно наблюдая за моим лицом, мягко ввел в меня еще один палец. И начал медленно двигать ими.

Инстинктивно я подалась навстречу, вызвав его улыбку. Кажется, ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как я схожу с ума от желания.

Удерживая мой взгляд, Асмодей снова переместился. Наклонившись, он медленно провел языком между моих ног. А потом его губы накрыли самое чувствительное место моего тела. Я застонала от наслаждения.

Ласки Асмодея походили на изошренную пытку. И он пытал меня до тех пор, пока я не начала умолять его о большем.

Растворившись в ощущениях, я кричала. Просила. Молила. И он, наконец, сжалился надо мной. Быстро стащив брюки, он лег на меня и поцеловал. А потом резко вошел одним яростным толчком.

Я закричала в голос, вцепившись ногтями в его спину. Выгнулась, желая почувствовать его каждой клеткой своего тела.

– Ника, – прохрипел Верховный, ускоряясь.

– Ас... – простонала я, когда волна сильнейшего в жизни оргазма почти лишила меня чувств...

Я резко села на кровати. Одеядо собралось в ногах... Майка мокрая от пота...

Сон. Это всего лишь сон!

Я рухнула на подушку и прикрыла глаза рукой. Испытать оргазм во сне... С Верховным... Докатилась...

Я снова встала и на нетвердых ногах поплелась в ванную.

Скинув одежду, зашла в недавно установленную душевую кабину и блаженно прикрыла глаза, когда тугая струя воды ударила по загривку.

С этим надо что-то делать. Мы не виделись неделю, но я все равно постоянно думала о Верховном. И далеко не как о преподавателе.

А теперь еще и этот сон! И когда! За несколько часов до нашего с ним первого индивидуального занятия...

Я простояла в душе не меньше часа. Но обычный способ успокоиться и расслабиться на этот раз меня подвел.

Демоны, надеюсь, я справлюсь...

В маленькой аудитории, в которую мне велели явиться, было тихо. И довольно-таки пусто. Только столы да стулья. И ничего больше. Даже портреты на стены поленились повесить.

Я немного нервничала перед первым занятием с Асмодеем. Хотя «немного» – неправильное слово. А кошмар как нервничала! И, наверное, поэтому споткнулась и только чудом не упала между рядами.

Решив не искушать судьбу, я села на вторую парту второго ряда (из трех возможных) и стала ждать.

Верховный пожаловал минут через пять. Увидел меня, довольно хмыкнул и сел на стул перед моим столом.

– Добрый день, наставник, – неуверенно поздоровалась я.

– Привет, Ника, – рассматривая меня, откликнулся он. – Вытяни руки на стол.

Побоявшись разозлить Асмодея глупыми вопросами, я, молча, выполнила указания.

– Хорошо. А теперь давай вспомним все, что наболтал вам Люцифер. Пересказывай.

– Все? – спросила и получила в ответ недовольный взгляд. – Да, наставник, – исправилась и начала: – Главные грехи. Термин, которым в католическом богословии называют основные пороки, лежащие в основе множества других грехов: гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, лень или уныние. В восточной христианской традиции их принято называть семью смертными грехами. В православной аскетике им соответствуют восемь главных греховных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость...

Пока я говорила, Асмодей начал поглаживать мою руку. Усилием воли я заставила себя не обращать на это внимание.

Верховный довольно улыбнулся и поднял мою ладонь. После чего, не разрывая зрительного контакта, поцеловал запястье. Я замерла.

– Ника, продолжай рассказывать, – велел он, потерявшись о мою руку, словно сытый кот.

– Что... Что вы делаете? – запинаясь, спросила я.

– Ты должна уметь игнорировать свои чувства и желания. Должна уметь не реагировать на чужие провокации. И этому мы и будем учиться. Будем учить тебя не реагировать на таких, как я, – он поцеловал мою ладонь. – Я жду продолжение лекции.

Огромных усилий мне стоило начать говорить. Мысли разбегались и единственное, о чем я могла думать, это прикосновения Асмодея.

Верховный явно издевался. Он ласкал каждый пальчик моей руки. Прикусывал подушечку, а потом мягко ее посасывал. И каждое его прикосновение посылало разряды по моему телу.

Демоны, да я бы и подумать не могла, что такие прикосновения могут дарить *такие* ощущения.

Внизу живота появилась тяжесть, дыхание перехватило. Я сжала бедра, пытаясь контролировать разгулявшееся желание.

Получалось плохо. И Верховный это видел. Он снова вернулся к запястью, и я не выдержала. Одернув руку, прошептала:

– Прекратите...

– Ника, ты должна научиться контролировать себя, – невозмутимо ответил он, откидываясь на спинку стула.

– Это... слишком.

– О, до «слишком» еще очень далеко, – он хищно улыбнулся.

Кажется, я выбрала не того наставника.

– Мы закончили на сегодня? – все еще пытаюсь успокоиться, спросила я.

– На сегодня да. И, Ника, ты выбрала меня. Помни об этом.

И, поднявшись со стула с гипнотизирующей грацией хищника, Асмодей ушел.

На этот раз во дворе университета меня ждала мама. И в отличие от Оливера эта умная женщина стояла прямо у учебного корпуса чертей.

– Привет, что ты тут делаешь? – я чмокнула ее в щеку.

В конце концов, есть маааленькая доля вероятности, что она пришла не ко мне.

– Жду тебя.

Демоны!

– Мам, ну мы же все уже выяснили. Поздно отступать, – тут же ошетибилась я.

– Дочь, хочешь учиться – да, пожалуйста. Я даже рада, что на тебе печать именно Асмодея, – мама бросила взгляд на мой левый бок, и у меня отвисла челюсть. – Думала, я не узнаю?..

С этим вредителем ты хотя бы поймешь, что все это – не безудержное веселье. А теперь идем.

– Куда?

– Для начала в костюмерную. А потом я покажу тебе похоть во всей красе.

И мама первой двинулась в сторону ворот университета.

Я никогда не была у людей. Да я даже в костюмерной никогда не была! И поэтому ужасно нервничала сейчас. А вот маман выглядела совершенно спокойной. И даже не убила меня, узнав про печать...

Поплутав по узким улочкам города, мы вышли к огромному зданию, напоминающему ангар.

– Знакомься, главный вещевой склад Ада, – мама улыбнулась.

Внутри костюмерная оказалась разделена на зоны по векам. В каждой такой зоне было несколько помещений: комнаты с бесчисленными стойками с костюмами и аксессуарами, призерные и места для макияжа.

– Я только одного не могу понять. Зачем нам костюмерные, если мы можем сами менять свой облик при помощи наруча, – высказала я мысль, давно не дававшую мне покоя.

– И чему вас сейчас только учат? – мама закатила глаза. – Дочь, во-первых, это очень энергозатратно. Наруч не всемогущ. Да и твой резерв ограничен. То есть создать что-то мелкое проблемы нет. А вот полный комплект доспехов рыцаря средних веков... Можешь потом сутки проспать, восстанавливаясь. И не спрашивай почему. Сомневаюсь, что даже Асмодей сможет объяснить, как устроены нарукавники.

– Я все же спрошу у него.

– Спроси. Ему полезно напрячь мозги... Но есть еще и во-вторых. Что гораздо важнее. Историческая точность. Костюмерши специализируются на определенной эпохе. И иногда даже стране. И создают твой образ так, чтобы никому и в голову не пришло, что ты не человек. Представь, сколько времени уходило бы на подготовку к таким заданиям, если бы черти сами выискивали описание костюма, прически и прочего?

– Я вообще не очень понимаю, зачем нужно это погружение в эпоху, – призналась я.

– Задания бывают разные. Иногда черт отправляется на вызов. Ну, знаешь, когда человек чертит пентаграмму, расставляет свечи и ждет, – я кивнула. – А иногда Ад посылает нас за... хм... В общем подтолкнуть человека к сделке. Мы с твоим отцом как-то были во Франции. Нам поручили подписать договор с ведьмой. Мы сначала ее искали, а потом твой отец в лоб сообщил ей кто он такой и что предлагает.

Мама редко рассказывала мне о своих первых месяцах в Аду. Я знала историю отношений родителей, но в сокращенной версии. Когда я подросла, Люцифер, конечно, раскрыл некоторые моменты, о которых мама умолчала. Но я подозревала, что не все.

И про задание во Франции я никогда не слышала, поэтому спросила:

– И чем все закончилось?

– Договор мы подписали, – мама отвела взгляд, но я заметила промелькнувшую в ее глазах боль. Ясно, значит, есть в этой истории еще что-то, о чем мне никто не скажет.

Какое-то время мы шли по коридору, молча. Их вреднейшее мое маман Ева сосредоточенно высматривала нужную ей табличку. А я старалась не нервничать.

– Вот! – Воскликнула мама. – Двадцать первый век. Вторая половина. Идем, Айви наверняка уже заждалась.

Мы вошли в выбранную мамой зону. Сразу же навстречу нам выскочила миниатюрная рыжая чертовка с огромными зелеными глазами.

– Ева! Я успела соскучиться!

– Привет, Айви, – женщины обнялись. – Знакомься, моя дочь Ника. Ника, это Айви. Наша с отцом персональная костюмерша, если можно так сказать. Она – одна из немногих, кто работает не по эпохам, а с конкретной семьей.

– Привет, Ника, – костюмерша улыбнулась.

– Привет, – неуверенно откликнулась я.

– Ева, что нужно подобрать?

– О, я уже сама все подобрала, – мама хитро улыбнулась. – Осталось найти это на складе...

Час спустя я была готова. И была в ужасе от своего вида! Узкое серебряное платье, облегаете словно вторая кожа, больше напоминало тунику. Я постоянно одергивала его вниз, при этом придерживая на груди.

Бубня ругательства, я вышла из примерочной.

– Мама! А меня нельзя было так же одеть?!

На моей родительнице сейчас красовался черный комплект – водолазка с рукавом три четверти и узкие штаны, заправленные в ботфорты на высокой шпильке. Волосы ей сделали на косой пробор, начесав с одной стороны, и заплетя в тонкие косички с другой. Черные тени, алая помада... Мама выглядела шикарно!

– Нельзя, – усмехнулась она. – Потому что я хочу показать тебе две разных грани одного безобразия. И не мамкай! Там мы будем просто подругами.

На самом деле не знающий человек и так решил бы что мы подруги. Черты стареют медленно. И в определенный период жизни словно замирают. Так что сейчас мама выглядела максимум лет на пять старше меня.

Костюмерша принесла нам по короткой шубке и маленькой сумочке.

– Спасибо, Айви. Мы ушли, – мама взяла меня за руку.

– И что...

Нас резко накрыла темнота. А потом так же резко отступила, сменившись блеском тысячи огней.

– ...теперь?

– А теперь Россия, год две тысячи пятьдесят какой-то... а может и шестьдесят какой-то. У меня проблемы с точностью. Провинциальная столица. Ночной клуб.

Упомянутое заведение сверкало огнями на противоположной стороне улицы. Проектора, яркая вывеска, грохот музыки... И длинная очередь на вход.

– Я надеюсь, мы не будем стоять в этой толпе?

– Естественно.

Взяв меня под руку, мама спокойно перешла дорогу, а потом с истинно царской грацией продефилировала мимо очереди ко входу.

Обворожительно улыбнувшись, она кивнула охраннику на дверь. Огромный мужик, из тех, о ком говорят «косая сажень в плечах», тут же смущенно кивнул и отодвинул бархатную ленту ограждения.

– Что это было? – шепнула я, пока мы сдавали шубки в гардероб.

– Природное очарование, – хихикнула мама.

Я промолчала.

Быстро преодолев длинный узкий коридор, мы вышли в танцевальную зону. Огромное помещение было освещено только огнями софитов и подвесных мигающих разными цветами прожекторов. Уверена, у всего этого есть какие-то другие названия. Но я о них ничего не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.